28 ИЮЛ 1973

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНДУСТРИЯ
МОСКВА

● *СУББОТНИЕ ВСТРЕЧИ*

Александр БОБРОВ:

«ДАРИТЬ ЛЮДЯМ ПРАЗДНИК»

Лукавый Альфред Дулитл в мюзикле «Моя прекрасная леди», неунывающий одессит Андрей в музыкальной комедии «Четверо с улицы Жанны», Непотопный-Крукс в оперетте «Дочь океана» — таким его узнали москвичи за месяц гастролей в столице театра оперетты Кузбасса.

Яркие, характерные комедийные образы — в них наиболее полно проявляется талант народного артиста РСФСР Александра Константиновича Боброва. В театре он работает без малого четверть века и давно уже стал любимым артистом химиков, шахтеров, металлургов, строителей этого сибирского края. Вся жизнь Александра Боброва, народного артиста в полном смысле этого слова, члена Кемеровского обкома партии, неразрывно связана с рабочим Кузбассом.

— Александр Константинович, у настоящего волшебника первым делом спросили бы: как он им стал? И вам, можно сказать, волшебнику смеха, я хочу задать этот вопрос.

— У меня все началось... с алебарды. Ну, что вы смеетесь? Я ж серьезно.

Моя мама работала певицей хора в оперетте. А я и не мечтал о театре — куда уж мне! Окончил в Пензе школу ФЗУ, получил специальность токаря по металлу и стал работать на фабрике «Маяк революции». Вечерами, конечно, пропадал в театре. Весь репертуар наизусть выучил.

Через год театр переехал в Куйбышев. Вот там-то я впервые и вышел на сцену. Статистов вообще не хватало, а тут еще кто-то не пришел вовремя. Меня срочно засунули в костюм и дали в руки ту самую алебарду. И стоял я с ней ни жив, ни мертв...

С тех пор на сцене. Правда, с двумя перерывами: два года был на действительной службе и четыре — на фронте.

— Значит, взял человек в руки алебарду и стал народным артистом?

— Нет, разумеется, все гораздо сложнее. Был я немалое время статистом, потом пригласили в балетную группу театра, а там уж и роли простаков (есть такое амплуа) стали поручать. Пока до ведущих ролей дошел, столько труда ушло!

— Но вот вы прошли этот путь. Как считаете, что наиболее важно для актера, помимо, конечно, таланта?

— Способность к всегдашнему и постоянному ученичеству. Каких бы ты высот ни достиг, какие бы секреты мастерства ни познал, всегда есть чему еще научиться, а не будешь этого делать, лучше уходить со сцены — это застой. Впрочем, думаю, в любой профессии так. Всем, что умею, я обязан только непрерывному ученичеству, поиску.

— Как у каждого зрителя есть любимый актер, так и у каждого актера, наверное, есть любимый зритель?

— Оперетта — это праздник, а по-настоящему радоваться празднику могут, по-моему, только люди, честно и с достоинством живущие в будни. Именно с такими людьми — тружениками индустриального Кузбасса — мы и встречаемся в зале театра, в рабочих клубах.

Это я сказал о зрителях вообще. Могу назвать и конкретно: самые мои любимые зрители — шахтеры из бригады Героя Социалистического Труда Николая Максимовича Путры с шахты «Чертинская». Включили они меня в состав своей бригады. Теперь я говорю: «Николай, ты меня хотя бы изредка с собой бери вниз, чтобы и я, значит, мог кое-что «на-гора» выдать». А он мне отвечает, что уголь они и за себя, и за меня сумеют дать, а моя обязанность как члена бригады выдавать «на-гора» свою продукцию: она нам, между прочим, говорит, не меньше нужна. Так разве я могу не работать до предела сил и способностей для таких зрителей? Я счастлив, когда они смеются, когда после спектакля горячо аплодируют актерам.

— А что вы скажете о встрече с московским зрителем — театр ведь впервые в столице?

— Для нас эти гастроли стали большим испытанием. Москвичи — зрители очень искушенные. Все мы, конечно, волновались. Но все, кажется, прошло хорошо. Во всяком случае, весь месяц у касс звучало: «Лишнего билета нет?». Это приятно, потому что с одной стороны мы, значит, достойно представили в столице Кузбасс, а с другой — утвердились в том, что наш сибирский зритель получает от нас искусство без всяких скидок на так называемую периферию.

— Вы сказали, что оперетта — праздник. А постоянный праздник не утомляет?

— Так ведь это ж для зрителей праздник, а для нас, актеров, это любимая радостная, но, поверьте, нелегкая работа. Все время репетиции, постоянная забота о форме, тренаж. Я и в футбол играю в команде театра не только для удовольствия, но и для поддержания формы.

Да, театр оставляет совсем немного времени на какие-то увлечения, отдых. Когда же выпадает свободный день, не говоря уже об отпуске, я сразу же — в тайгу или на реку.

— Александр Константинович, теперь традиционные — куда ж денешься? — вопросы к актеру: ваша любимая из ста сыгранных ролей? Роль, которую вы хотели бы сыграть?

— Бони в «Сильве», Яшка-артиллерист в «Свадьбе в Малиновке», Мишка-Япончик в «На рассвете». Всегда с удовольствием играю в опереттах Дунаевского. Признаться, трудно выделить какую-то одну или даже десяток ролей.

Хотел бы работать над ярко отрицательным образом в острой политической комедии. И очень бы порадовал меня образ современника, хорошего и веселого человека, доброго, честного и, конечно, с чувством юмора.

Я понимаю, что создать хорошую оперетту очень сложно. Но надежды не теряю.

— А что вы любите как зритель?

— О, зритель я благодарный, ненасытный. Больше всего люблю, конечно, драму — праматерь всех сценических искусств. Честно говоря, иногда я «примеряю» к себе некоторые драматические роли, Фальстафа, например. Нет, не потому, конечно, что я хотел бы изменить оперетте, но в эдаком тайном желании, что вдруг и на нашей сцене появятся образы такой силы.

— И последний вопрос: вне сцены вы веселый человек?

— Да уж, наверное, не хмурый. Но в меру, знаете ли, в меру...

М. ПАПЕРНО.